

Н. БЫЛЬБЕВ

Рассказы о Кирове

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

Н. БЫЛБЕВ

РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1938 Ленинград

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА

И. КОРОЛЕВА

Для дошкольного и младшего возраста

Ответственный редактор В. Милович.
Редактор-художник Н. Полозов. Тех-
нический редактор В. Никитова. Кор-
ректор Н. Кнохе. Книга слана в на-
бор 11.X 1938 г. Подписана к печати
14/XI 1938 г. Инд. Д-5. Леметиздат
№ 102. Тираж 150.000 (с 1—50.000) экз.
Ленгорт № 4775. Заказ № 4501.
Формат бумаги 82 X 110 $\frac{1}{4}$ см. 3 $\frac{1}{2}$ пе-
чатных листа. У-м. л. 3,5. Авт. л. 0,62.
(43.295 тип. знак. в 1 бум. л.). Бум.

Л. "п"
2-я ф-ка Детиздата ЦК ВЛКСМ,
2-я Советская ул., д. 7.

32752

1937-38 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕНТЫ
ДЕТГМЗ

682384 кх. Рег-04

Российская государственная
детская библиотека

В БОЮ

Киров был членом Реввоенсовета армии. Все его знали. Одевался он просто. Носил русские сапоги, кепку, белый воротничок — как не военный человек. Когда происходили с белыми большие бои, он всегда бывал на месте сражения. Не боясь смерти, он находился в самых опасных местах, чтобы помочь одержать победу над врагом.

Ведь в армию его послал Ленин и Центральный Комитет большевиков.

Все бойцы любили товарища Кирова.

Многие из них тогда запомнили один случай в бою на Северном Кавказе.

Бой был жестокий. Белые хорошо укрепились на холмах. Но был приказ выбить врагов.

Это можно было сделать только дружным ударом всех частей, всех бойцов. Всех наших плохо одетых, кое-как сытых людей.

И все части были брошены в эту атаку. В запасе оставили только кавалерийский полк, чтобы нанести решительный удар врагу в конце боя.

Зловещим грохотом пушек встретили белые наступающих красноармейцев. Казалось, не пройти сквозь огненную стену рвущихся снарядов.

Стальные осколки летели во все стороны. От вражеских пуль повсюду струйками взлетала сухая земля.

Но красноармейцы цепь за цепью ползли, перебегали. Всё вперед. Всё ближе к засевающим на холмах белым.

Киров вместе с командармом и его штабом стоял на пригорке за развалившейся каменной оградой. Позади ординарец держал на поводу коней.

Все следили в бинокли за сражением.

На левом фланге вдруг послышалось вражеское „ура“. Сильная офицерская часть с винтовками наперевес выскочила из овражка.

Бойцы растерялись... Дрогнули. Вот несколько повернуло назад. Вот упал один... другой — спиною к врагу... Позорная смерть...

Вдруг бойцы побежали.

— Не выдержали, оскрамились, ребята! — вскрикнул командарм. — Враг прорывает фронт!

Остановить! Немедленно отбросить белых назад! Но как? Чем? Вызвать кавалерию? Пустить ее сейчас на врага в лоб — значит потерять под пулеметным огнем много бойцов. А не помочь — погибнет еще больше...

Командарм решил:

— Кавалерию на фланг!

Он уже повернулся к ординарцам, чтобы отдать приказание.

Но в ту же секунду Киров вскочил на коня.

— Подожди-ка, взгляну без бинокля, что там!

И он помчался под пулями на левый фланг.

— Товарищи! За мной! — закричал он, вырываясь из рядов красноармейцев навстречу врагу.

А белые с ревом несутся. Вот они. Близко.
— Что вы—офицеры испугались?

Красноармейцы остановились. Повернули.

Еще секунда, и сотни бойцов снова бросятся в бой, увлеченные таким примером. Белые стали бить скорей по смелому всаднику. Выстрелы в упор загрели сразу со всех сторон.

Всадник с конем рухнул на землю.

Несколько бойцов кинулись к нему.

Он выбирался из-под коня, был в крови, в пыли, очень сильно ушибся.

— Товарищ Киров! Жив? Ранен? Где?

— Кажется, нет... Это кровь коня. Конь убит. Вперед, друзья, на врага!

И через секунду уже снова раздался его громкий голос. С наганом в руке, прихрамывая, он опять бежал вперед.

— Киров! Это—Киров!—крик пронесся повсюду в цепях красноармейцев.

— Ура-а-а!

Бойцы, обгоняя своего любимого вождя, лавиной яростно бросились на врагов. Офицеры не выдержали такого удара, смешались, побежали.

— Ура-а-а-а!—сейчас же разнеслось в треске выстрелов по всей линии боя. Все части подхватили атаку левого фланга.

Командарм, не отрываясь от бинокля, следил за Кировым. Он так и не договорил своего приказа. Ординарцы навытяжку всё еще стояли в ожидании. Командарм, вспомнив, обернулся.

— Отставить кавалерию на фланг!

ПЛЕННЫЙ КАЗАК

Вечером, накануне большого боя с белыми, в штабе назначили военный совет. Перед заседанием совета Киров на автомобиле объезжал фронт. Он любил сам все как следует проверить и узнать. С Кировым, кроме шофера Сургучева, был командир Пряхов.

Солнце уже побагровело, стало садиться, когда автомобиль повернул в обратный путь — к штабу.

— К девяти надо быть. Вези поскорей, — сказал Киров шоферу.

— По шоссе ехать далеко, крюка давать. Разрешите, Сергей Миронович, проеду покороче, напрямик.

— А не заблудишься?

— Нет, что вы! Где ж тут заблудиться?

— Ну, поезжай.

Автомобиль свернул с большой дороги в сторону. Солнце зашло. Стало быстро темнеть. Проехали километров пять холмами по проселочку, и вдруг машина увязла в песке.

Шофер дал полный газ. Колеса завертелись, но машина — ни с места.

— Так! Красиво напрямик срезал, — сказал Киров, — быстро довез. А ну, скиньте шинели!

Он и Пряхов соскочили с машины и стали подкладывать шинели под колеса. Машина рванулась по шинелям вперед и опять стоп. Засела. Вихрем из-под колес вылетел песок, а вместе с ним и шинели.

Бились, бились... Колеса совсем закопались.

— Тише! Слушайте! — вдруг сказал Киров.

Шофер выключил мотор. Стали прислушиваться. Из оврага между холмами тянул ветер. Были слышны женские голоса. Потом брякнуло ведро. Заскрипело колесо колодца.

— Видать, хутор близко. Разрешите, за конями схожу, — попросил Сургучев.

— Иди, пожалуй. Да только поживей.

Но тут донесся вдруг зычный голос:

— Ваше благородие, извольте к столу.

Пряхов так и вцепился шоферу в плечо и шопотом:

— Так-то, леший, дорогу знаешь! Ведь это к белым заехали...

Киров говорит:

— Во-время автомобиль застрял. Не завез к врагам. Машина-то умней шофера. Толкнем ее в обратную сторону. Надо убираться поскорей.

Плечами все трое уперлись в автомобиль. Раз, два — взяли! Но сдвинуть сил нехватало.

Вдруг справа над овражком показались черные силуэты всадников.

Казаки...

Киров и Пряхов мигом выхватили наганы. Притаились. Сургучева потом прошибло. Вот казаки

заметят, налетят. Только два нагана, только четырнадцать пуль... Не отстреляться... Окружат, порубят. И, сам не знает как, он вдруг очутился брюхом на песке, ноги сами собой полезли под машину, и всего его туда так и подтягивало.

Казаки гуськом, — как видно, по тропинке — едут мимо. Едут, переговариваются.

За кустами, должно быть, машина им не видна. Ночь темная. Вот счастье-то! Хоть бы не заметили, миновали... Хоть бы так...

А Киров осторожно придвинулся к Пряхову, пошептал что-то на ухо и наклонился к Сургучеву.

— Вылазь. Сейчас языка добудем. В плен казака возьмем.

Сургучев чуть не вскрикнул. Ослышался, что ли? Их всего трое, а казаков, поди, с полсотни...

Спокойная рука Кирова опустилась ему на плечо.

— Дай Пряхову шинель. Ползи за мной в кусты. Как я сучком хрустну, всем вскочить, схватить самого последнего казака. Тебе — коня удержать. Тихо, без шума.

— Есть без шума, — заикаясь пробормотал Сургучев и пополз за Кировым.

Проползли в кусты. Темно. Впереди стучат копыта. Тут. Близко. Протяни руку — достанешь. Кони всхрапывают. Вот уж последние казаки проезжают. Проехали. Еще один едет. Самый задний. Вот и он поравнялся. Сердце у Сургучева — что колокол в груди. Он даже испугался — казак услышит...

Вдруг хрустнул сучок...

Тут все произошло в один миг: Сургучев прыгнул, вцепился в узду. Казак не успел и вскрикнуть, как голова его, точно в мешке, очутилась под душной шинелью и чьи-то крепкие руки стащили его с седла.

Киров навалился на казака.

Пряхов наганом тычет пленного в бок.

— Только пикни!

Казака скрутили.

Все тише доносился цокот копыт и голоса казаков. На хуторе залились собаки.

— Вот теперь-то с конем мы и вытянем машину, — сказал повеселевший Сургучев.

— Нет, товарищ Сургучев, — возразил Киров, — теперь, не теряя секунд, надо уходить. Хватиться могут. Мешкать нельзя. Забирай пленного — и пошли.

К полночи Киров был в штабе.

— Виноват, опоздал, — сказал он товарищам. — Дорогой довелось захватить белого. Уж очень язык-то нам сейчас кстати.

* * *

Кировский автомобиль уцелел — не достался белым.

Когда на рассвете начался бой, Сургучев вернулся за машиной с упряжкой артиллерийских коней. Горячие кони вынесли ее к шоссе.

Белые били по машине из пушек. Снаряды рвались кругом. Но перед взором шофера стоял Киров. Ведь не побоялся он отбить казака у целого отряда.

На сердце становилось весело, и все казалось нипочем.

РАЗВЕДКА

Предстояло большое наступление на белых. В штабе ждали сведений от разведчиков. Наконец пришел пакет. Киров распечатал его и рассердился:

— За целую неделю о силах противника нет ни одного толкового донесения. Есть ли белые за рекой Кумой, сколько их там—ничего не понять! В разведке либо разгильдяи, либо...

И не договорил.

Повернулся ко мне.

— Вот что, Сургучев. Заправляй бензином своего коня и едем. Возьмем с собой „максима“.

— Есть,—говорю.

А куда поедем, я, конечно, не спросил.

Я—шофер.

Мое дело везти, куда Сергей Миронович скажет.

„Ну,—думаю,—раз „максима“ берем,—значит, едем по серьезным делам“.

А „максим“—это пулемет.

Конь у меня на четырех колесах, быстроходный—автомобиль „Фиат“. Зверь, а не машина. И, что главное,—бесшумный.

Словом, через пять минут мы выехали.

Сергей Миронович зарядил „максима“, говорит мне:

— От моста за рекой Кумой дорогу знаешь? Надо будет проехать по ней километров на пятнадцать вглубь.

— Можно,—говорю.

— А вот шлем со звездой, пожалуй, зря ты, Сургучев, надел.

И сразу стало мне все понятно: мы сами едем в разведку.

Взглянул я на Сергея Мироновича — надета на нем защитная фуражка и без звездочки.

А ведь по моему красноармейскому шлему враги легко смогут издали узнать, кто мы такие.

И я стащил шлем с головы и положил под себя.

В те времена в Красной армии часть командиров была из бывших царских офицеров.

Среди них не все были честные — попадались изменники.

Как видно, Сергей Миронович решил проверить, правильно ли сообщает разведка, не затесался ли туда какой-нибудь изменник.

Переехали мы мост и помчались по дороге, поднимая пыль.

Едем десять минут, двадцать. Все тихо. Беляков не видать.

Выехали на бугор, а за бугром — село. Опять ничего такого не видно.

— Дальше, через село! — командует Киров и поправил ленту у пулемета.

Полным ходом въезжаем в улицу. Машина подпрыгивает на глубоких колеях. Куры с кудахтаньем разлетаются из-под самых колес. Псы, надрываясь, гонятся сзади.

— Вон кони,—говорю,—в саду, военные кони.

— Улов есть,—слышу отвечает Киров.

И вдруг прямо перед нами — солдаты. Белые. Кучей сидят на крыльце.

Я навалился на тормоз — под колесами заскрипело. А солдаты взглянули на автомобиль, и кое-кто повскакал навывтяжку.

— Не останавливай! За своих нас приняли! Дело! — рассмеялся Киров.

Даю газ. Машина мимо солдат вылетела на церковную площадь.

— Теперь поворачивай.

И я делаю по площади круг.

За церковью конная батарея стоит и броневик. Шофер ковыряется в моторе.

Навстречу выбегает из хаты офицер. Машет нам, кричит что-то. Видно, хочет остановить, опросить.

А я ему — длинный гудок. Берегись, мол, зашибу. И в пыли, как в дыму, мы уносимся прочь.

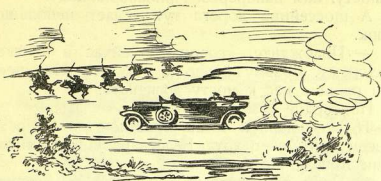
А те, солдаты, — опять нам ничего: ведь с гудком едем. Значит, все в порядке. Задержать нас не думают.

Ну и „максим“ наш молчит.

Машина мчится уж мимо крайних хат. Вон и бугор.

И тут такой ветрище дунул, волосы быют

по глазам—не вижу ничего. Боюсь, с такого хода в канаву не влечься бы.

Изловчился я и нахлобучил свой шлем.

— Что ты делаешь?—вскрикнул Киров и сорвал шлем с моей головы.

И вдруг сзади хлопнули выстрелы. Пули зацокали по дороге.

Но машина взлетела уже на бугор.

А как съехали мы по ту сторону—и село скрылось.

Километров десять пронеслись одним духом.

Вот уже поблескивает река Кума.

— Ну, миновало,—говорю,—теперь-то мы дома, хорошо съездили.

Тут глянул я в поле.

— Никак там что-то мелькает? Смотрите, Сергей Миронович. Вон, левой дороги. Что это?

А он отвечает так спокойно:

— Я уже раньше заметил. Ясно, что это такое. Белые из того села про нас, видно, успели

сообщить по телефону. Это кавалеристы скачут к мосту, нам наперерез. Прибавь-ка ходу.

А шоссейная дорога тут делает небольшой крюк.

— Подождите, — говорю, — сейчас я белякам нос срежу. Возьму вправо по проселку. Не успеют они раньше нас к мосту доскакать.

Но сердце у меня ёкнуло...

Только свернул я на проселок, а впереди, совсем близко — пехота. Белогвардейцы с винтовками тоже к шоссе бегут.

— Экой ты корявый! Ну, куда ты, голова, завез? Живо поворачивай назад!

Вырвалась моя машина с проселка снова на шоссе, и дал я полный газ.

Но пока я на эту проклятую канитель минуты терял, всадники стали ближе к мосту. Им уже немного осталось скакать.

Мы мчимся — ветер свистит.

Вцепился я в руль и сам себя ругаю:

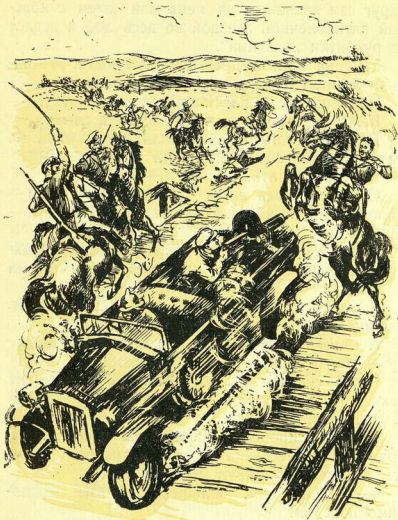
„Вот остолоп! И все это, верно, из-за моего шлема случилось. Дернуло же меня в селе нацепить его. Киров-то, Киров может погибнуть ни за что... И как это он связался с таким дураком, как я...“

Теперь все от секунд зависит. Кто раньше поспеет к мосту — белые или мы.

Я ору:

— Сергей Миронович, да стреляйте же в них скорей из пулемета! Пусть гады обождут немного, пока мы на мост въедем.

— Не могу, — говорит. — Ты мешаешь — впереди сидишь. Боюсь в твоей голове дырку сделать.

682384

Российская государственная
детская библиотека

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮНГ
КЕТИВА

— Тогда,— кричу,— беляки нам головы срубят!

— Ходу. Еще ходу,— сказал твердо Киров и вдруг сам надвинул на меня мой шлем с красной пятиконечной звездой во весь лоб и взялся за рукоятки „максима“.

Машина мчит на предельной скорости. И всадники летят. Вот они, вот! Совсем близко.

Кони прямо распластываются по воздуху.

Кажется, что их ноги не касаются земли.

Первые всадники выскочили перед нами на мост. Клинки сабель сверкнули в воздухе.

Как проскочить?

С такого хода лишь только задеть коня— опрокинешься! Гибель. Смерть... Хотел заорать— задохся.

В тот же миг запалил пулемет. Кони шарахнулись, вздыбились. Мы промчались под самыми мордами.

Я невольно втянул шею. Сабли стукнули по машине. Шлем слетел у меня с головы.

А Сергей Миронович, пригнувшись к щитку пулемета, без промаха бил по врагам.

Через секунду мы уже были по ту сторону реки. Мост, всадники— все скрылось позади в туче пыли.

Сергей Миронович наклонился в машине и поднял мой рассеченный шашкой шлем. Он дружески, крепко хлопнул меня по плечу.

— А везет нам, большевикам! Мы неоспоримо победим!

ПОЖАР

Поздняя ночь. Город Баку спит. На улицах пусто. В окнах домов темно. Только ветер завывает, да поднявшаяся вихрем пыль стучит в стекла. В одном доме горит свет.

У окна сидит за письменным столом широкоплечий сероглазый человек. Ворст его гимнастерки расстегнут, рукава засучены. Прядка русских волос сбилась на лоб.

Он склонился над листом бумаги, быстро пишет и улыбается.

Это Киров. Он пишет письмо Сталину.

Письмо хорошее, радостное. Про то, как дружно бакинские рабочие добывают нефть для молодой советской страны. Про то, что уже полны нефтяные амбары.

Про то, что длинные поезда каждый день увозят нефть на заводы в Москву, в Ленинград. А под землей запасы нефти — огромные.

Киров откинулся на стуле, заложил руки за голову, задумался.

Далеко у озера видны промыслы. Чернеют башни — нефтяные вышки, — точно застыли полчища великанов.

И вдруг там высоко взметнулся столб пламени. Густой, красный от огня дым повалил в небо.

Пожар...

Должно быть, — это поджог. Какой-нибудь злодей решил уничтожить добытую нефть.

Мгновенно Киров накинул дождевик, нахлобучил фуражку, выбежал из дому.

Через минуту над сонным городом уже раздавался вой сирен.

Протяжно застонали гудки.

Ночные сторожа отчаянно били в набат.

Тревога! Нефть горит...

Разбуженный народ вскакивал с постелей. По улицам со всех сторон на пожар бежали рабочие — спасти свои промыслы. Многие одевались на бегу.

Высоченное пламя уже охватило деревянные вышки.

Гудит. Бушует...

Языки огня пригибаются по ветру, захватывают все больше добычи... Оглушительно трещат горящие бревна, точно пальба идет. Головешки, целые куски горящих досок со свистом взлетают вверх. Ветер зло их швыряет на крыши, на другие вышки — далеко по сторонам.

Жар такой — не подойти.

Рабочие остановились толпой, не зная, что делать.

— Товарищи, что же встали? — раздался голос.

— Поди — сунься...

— Ты что ж — огонь-то руками станешь гасить? Пожарных машин — раз, два и все... И шлангов нету.

Но тут к толпе подошел коренастый человек в дождевике.

Он крикнул так, что все услышали:

— Лопаты сюда! Ломы, топоры! Огонь будем землей засыпать! Ломайте все вышки вокруг. Дружней, товарищи!

Сотни рабочих сразу же бросились ломать вышки. Рубили их, привязывали к ним веревки, раскачивали, валили их.

На пожаре всюду видели неугомимого человека в дождевике.

Он вместе со всеми рубил и валил вышки и землю копал, таскал ее на носилках и засыпал пылавшие бревна.

— Кто это? — спрашивали люди друг друга.

А присмотревшись — узнавали:

— Да ведь это же главный бакинский наш большевик — сам товарищ Киров!

И кто утомился, устал, тот, глядя на Кирова, снова горячо брался за дело.

Ночь, день, вторую ночь измученные люди боролись с огнем. Наконец огонь стал сдавать, отступать.

Уже удалось сбить большое пламя. Уже меньше злых искр несло по ветру. Пожар понемногу стихал.

Оставалось еще одно очень опасное место, — возле огромного бака, полного нефти, горели сарай.

Киров вместе с рабочими и пожарными работал у самого бака.

Вдруг глухо бухнуло.

— Спасайся! — раздался крик. — Бак разорвало!

Киров едва успел отскочить.

Черной волной из бака хлынула нефть, на миг затопила пылавшие бревна. Сама вспыхнула и, все зажигая, разлилась потоком по низине до самого озера.

И на озере запрыгали язычки огня—точно зажглась вода. Это пылала расплывавшаяся по воде нефть.

Ветер погнал ее к другому берегу.

А там стояли еще вышки, были нефтяные амбары—огромные ямы, полные нефти.

Ропот пронесся над берегом:

— Все пропало. Теперь загорятся все промыслы.

Тут снова все увидели Кирова.

С большой доской в руках, он бежал к озеру.

Вбежал в воду по пояс и изо всех сил стал грести доской—отгонять прочь наплывавший огонь.

Едкий дым застилал ему глаза, огнем припекло лицо.

Одежда на нем вдруг загорелась.

Он быстро окунулся с головой в воду и продолжал работать.

Теперь все поняли, что надо делать.

Десятки и сотни людей с досками, с лопатами, с железными листами мгновенно бросились за ним в озеро дружно отгребать нефть.

На озере подняли такую волну, что горевшая нефть поплыла в сторону.

К другому берегу огонь так и не подпустили.

Промыслы были спасены.

Только на третий день вернулся Киров домой.

Он сбросил с себя обгоревшую мокрую одежду.

Прошел в кабинет.

На столе лежало его недописанное письмо Сталину.

Киров присел к столу и приписал еще несколько строк: о том, что на промыслах случился большой пожар, что героические рабочие дружными усилиями пожар загасили. Главные запасы нефти спасли.

Ни одним словом Киров не упомянул о себе.

Он подписался и заклеил письмо в конверт.

---

1 p 25 K

150=

